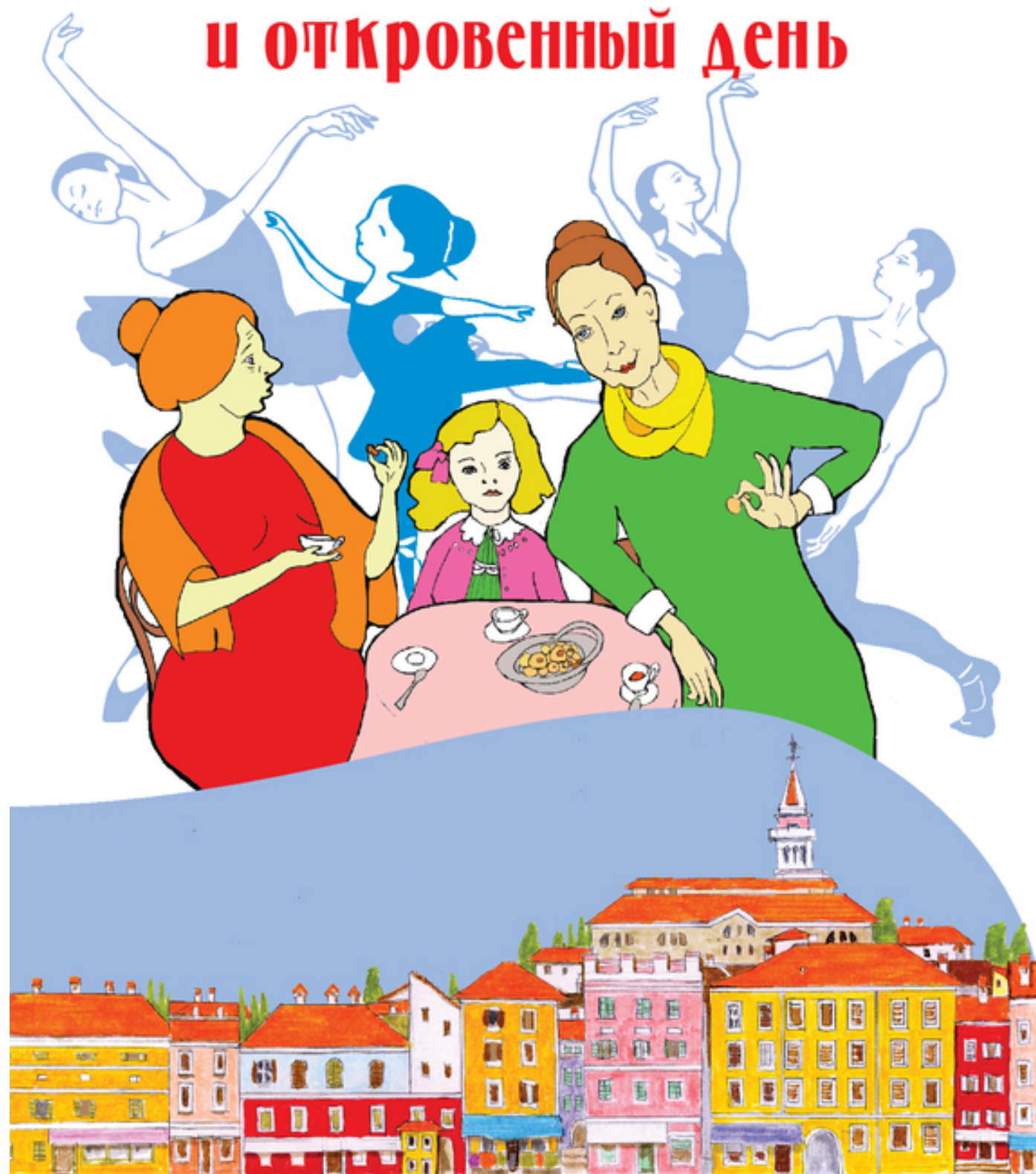

Елена Ронина

**Такой долгий
и откровенный день**

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА ЕЛЕНА РОНИНОЙ

Елена Ронина

**Такой долгий и
откровенный день (сборник)**

«Водолей»

2014

Ронина Е.

Такой долгий и откровенный день (сборник) / Е. Ронина —
«Водолей», 2014

В Черногорию в гости к бывшей балерине, 70-летней Ольге, приезжает старинная подруга Ядвига. Женщины познакомились еще в детстве; обе танцевали в Большом театре. Весь долгий день подруги вспоминают свою жизнь. У Ольги она спокойная, размеренная; у Ядвиги, напротив, бурная, драматичная. О том, что нужно стремиться быть честным перед самим собой, не забывать добро, не предавать друзей, с терпением принимать сложность характера близкого человека, старательно выстраивать отношения с детьми, — повествует книга Елены Рониной.

© Ронина Е., 2014

© Водолей, 2014

Содержание

Такой долгий и откровенный день	6
1.	6
2.	11
3.	14
4.	16
5.	20
6.	23
7.	26
8. Две Ядвиги	28
9.	32
10.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Ронина

Такой долгий и откровенный день

© Е. Ронина, 2014

© Т. Миллер, оформление, 2014

© Д. Мерсер, фотография, 2014

© Издательство «Водолей», оформление 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Такой долгий и откровенный день

Повесть

1.

7–00. Между мужем и сыном

НЕСМОТРЯ на самое начало весны, на улице стояла изнуряющая жара. Дышать было нечем, плотный воздух сковывал движения. Хорошо, что утро раннее, а не то в здании аэропорта можно было бы свариться. Все-таки Пула – это не Франкфурт. Кондиционеров нет, и условий приличных пока тоже. Но это все пока. Строительство в Хорватии шло полным ходом, иностранцы покупали недвижимость, вкладывались деньги в новые отели, рестораны. Так что еще немного, и начнут благоустраивать аэропорт. А куда деваться?

Народу было немного, в основном встречающие. Неторопливо прохаживались зевающие водители с табличками «Иванов» и «Сидоров». В шортах, майках и босоножках местные жители очень отличались от вновь прибывших. Была в их внешности какая-то умиротворенность, неспешность, можно даже сказать, ленца. Они перебрасывались короткими фразами друг с другом, никак не заботясь о том, найдут их вновь прибывшие, не найдут. Не их это проблемы. Туристам же надо, вот пусть и ищут. Никуда не денутся, все же уже оплачено.

В небольшой кафешке, единственной в аэропорту города Пула, пристроилась за столиком всего одна пара: немолодая женщина в светлой юбке, красивой кружевной майке и соломенной шляпке и полный высокий мужчина лет пятидесяти. Несмотря на тонкую хлопчатобумажную рубашку с коротким рукавом, легкие брюки и летние ботинки на босу ногу, мужчина постоянно вытирал пот со лба уже довольно измятым носовым платком. Чувствовалось: жару мужчина переносит тяжело. Давала себя знать сильная полнота. Официантка стояла за барной стойкой, подперев голову руками, стеклянными глазами глядя куда-то вдаль. Посетители ничего не заказывали. Просто сидели и перекидывались малозначимыми фразами. То ли от жары им ничего не хотелось, то ли понимали, что все равно ничего не получают. Официантка их просто не услышит, а ругаться с утра не хотелось.

– Миша, сходи, узнай еще раз, рейс опаздывает или нет.

– Мам, ну сколько можно говорить? Не опаздывает, мы просто приехали пораньше. Еще целых полчаса. Ну что ты так разнервничалась? И сдалось тебе приглашать эту Ядвигу?! Думаю, ты все-таки зря это сделала.

– Зря, зря, много ты понимаешь! С Ядвигой связана вся жизнь. Это моя молодость, моя зрелость, танцевали на одной сцене. Она была рядом, когда умирал папа, а ты – «зря».

– Просто беспокоюсь за тебя. Вот чего ради так рано приехали? Еще цветы заставила меня купить. При такой-то жаре! Хожу теперь как дурак с этим букетом.

– Ходи как умный, Миша. Ну ты же, в конце концов, из приличной семьи. И к нам приезжает дама. Как же без цветов? Или ты считаешь, что семидесятилетним старухам цветы ни к чему?

– Да ничего я не считаю. А вот ты, мама, стала обидчивая. Заводишься с пол-оборота. Я ж ничего еще не сказал!

– Ты прав, Мишка. Ты абсолютно прав. Знаешь, смешно, я сама себе сейчас напоминаю нашу бабушку. Она к старости такая обидчивая стала, ужас. А я понять не могла, ну чего ей не хватает? Вот что она ко мне цепляется? И еще думала, ну неужели сама такой стану? Нет, ни за что! И потом, на что бабушке было обижаться? Ты вспомни. А вот находила повод. Знаешь, началось это уже в Одессе. То есть она моложе меня была! Так что не обращай внимания, мне

сам Бог уже по возрасту обидчивой быть велел. Ну ладно, ладно. Я не самый худший вариант. Или нет? – Ольга вопросительно посмотрела на сына.

– Мам, ты у меня замечательная. Поэтому, наверно, я и с личной жизнью определиться не могу. Такой, как ты, больше нет.

Ольга улыбнулась. В действительности для нее слова сына были важными. Она их ждала. И радовалась, когда слышала. Как когда-то от Гриши. Муж каждый день должен был говорить, что любит ее. И вот Гриши нет уже целых десять лет. А она как-то без него живет. И вся жизнь теперь – это Михаил. Правильно ли? Нет. Конечно, нет. У сына давно должна была быть своя семья, дети. Но вот не сложилось. Ольга усмехнулась своим словам – «мальчик из хорошей семьи». Мальчику-то скоро будет пятьдесят. А ни невестки, ни внуков. Ольга не могла пожаловаться: сын был очень внимателен к ней. Даже, наверно, слишком. Во всяком случае, никто из подруг таким отношением детей больше похвастаться не мог. Он старался не забывать о матери. Переломный момент в их отношениях произошел после смерти Григория. Михаил работал много. Командировки, совещания до полуночи. И всегда звонил, каждый вечер.

– Мам, ты как?

Миша чувствовал, как тяжело матери стало после ухода мужа из жизни. Нет, не физически. Да и материально Гриша жену обеспечил. Ольге нужна была совсем другая поддержка. Она привыкла чувствовать себя женщиной, любимой женщиной. И вот нет рядом мужчины, который на нее молился, с которым давно уже стали одним целым, дышали одновременно, думали одинаково. Сын не может заменить мужа, это все совсем другое. Но он может быть рядом или хотя бы стараться быть рядом, по возможности. Смерть Григория неожиданно сблизила сына и мать. Раньше этого не было, Миша исчезал из их жизни на недели, мог даже забыть поздравить мать с днем рождения. И Ольга слышала поздно вечером из спальни, уже лежа в кровати:

– Олух царя небесного! Забыл, что у матери день рождения?! Совесть-то есть?!

И через пять минут раздавался такой долгожданный и самый важный за целый день звонок:

– Мам, это я, твой блудный сын, а мне птичка напела, что у тебя сегодня праздник, не будем уточнять даты и возрасты! – про себя Ольга еще ругала птичку: ну неужели не мог напомнить сыну раньше, и не страдала бы она весь день, а прожила бы его счастливо!

Как это сложно все – муж и сын. Нам кажется порой – сын важнее, его любим больше, ему все можем простить, мужу – никогда. И вот муж уходит, и сразу становится ясно, кем он был для тебя. Сразу, в одночасье, становишься инвалидом. Как будто отрезали сразу одну руку и одну ногу. И идти не можешь, и опереться не на кого. Как жить, как пережить, как справиться с болью?

Сын понял состояние матери и поддержал ее. Неожиданно для Ольги: они никогда не были настоящими друзьями. Друзьями были Миша и Григорий. Или мать и сына сблизила такая страшная для обоих потеря самого дорогого человека? Причем оба об этом при жизни Григория даже не особо задумывались: подшучивали над отцом, высмеивали его маленькие слабости, чудаковатость. И вот их осталось двое. И Миша все свое внимание отдал теперь матери. Дружба проявлялась вот этими короткими звонками. Нечаянными букетами цветов, совместными поездками. И единственно правильными словами: «Ты самая лучшая мама на свете». Ох, как важно это было Ольге. Как долго она этих слов ждала, а теперь, наверно, ради этого и жила.

И вот этот дом. Купил сам, не посоветовался. Просто однажды привез ее сюда.

– Мам, а здесь ты будешь проводить лето. Оно в Хорватии длинное, пять месяцев. И климат на Одесский похож, и море.

К старости все воспринимается не сразу и не вдруг. Что значит – дом на море? Зачем?хлопотно. Потянут ли?

И дом какой-то неприбранный, неухоженный. Крутая лестница на второй этаж, маленькие комнатухи, окна, как бойницы. Оля любила простор, огромные окна, чтобы много света, воздуха! Правда, место дивное. Вторая линия, море не то чтобы плещется у ног, но есть запах, и ветерок морской доносится. Миша все понял по поджатым Олиным губам. Не обиделся, только приобнял мать.

– Что? Думала о чем-то другом? Вот и давай, обустройвай. Ты же любишь у нас стройкой руководить. Вон какой домино в Переделкино отгрохала! Я в этом ни черта не понимаю, сама знаешь. Это все не мое. С рабочими ругаться так и не научился. Я в отца пошел. Бригада сербов придет в понедельник. А сейчас нарисуем план, что будем делать. Ну что-то же тебе здесь нравится? Смотри, какой вид открывается с балкона.

За окнами раскинулась морская гладь с белеющими яхтами, вдалеке виднелась гора. Можно часами сидеть на балконе и любоваться горизонтом.

– Я куплю тебе кресло-качалку. Гнущее такое, ты же всегда мечтала. И будешь здесь сидеть, дымить своими ужасными сигаретами и кофеек попивать. Такая перспектива устраивает?

– Хитрец!

Ольга потрепала сына по голове. Но как-то увидела она себя в этом кресле. А почему, собственно, не попробовать? Опыт строительства дома в подмосковном Переделкино действительно у нее был. И прав был сын – ни он, ни его отец в этом ничего не понимали и понимать не хотели. За стройку отвечала Ольга. И с блеском довела ее до конца. При этом никого из рабочих не убила, в сроки уложилась, в бюджет, который сама для себя определила, тоже. Нет, Гриша и Михаил были не по этому делу. Как только сейчас сын фирмой руководит? Для Оли это было загадкой. Для нее он так и остался на всю жизнь неповоротливым добродушным тьюфом. Попробуем здесь, в Ровене. Наверное, и с материалами легче. И все-таки климат другой, стройка быстрее пойдет. Нет ни перепадов температур, ни мороза. И потом, этот дивный фикус у входа в дом! Просто прелесть. Ольга закрыла глаза и представила, что может из всего этого получиться.

– А что, Миш, может, и впрямь? Какая тут стена несущая?

Михаил улыбнулся про себя. Если мать спрашивает про несущие стены, значит, в ее голове стройка уже началась.

И вот прошло уже пять лет. Этот дом стал для Оли определенным лекарством, выходом из депрессии после потери Григория.

Она с головой окунулась в обустройство дома.

В первый год было, понятное дело, не до моря. Начало нового столетия, новый век, новая жизнь. Ольга решила все в доме изменить. Разрушила стены и начала капитальный ремонт. При этом сразу купила разговорник. Хоть языки и похожи, но связь получалась односторонней. То есть она местное население понимала, а вот они ее – никак.

Видимо, просто не хотели понимать. Поэтому к концу первого длинного лета она уже вполне сносно объяснялась и с рабочими, и в магазинах при покупках.

Миша летал туда-сюда, но больше времени проводил все-таки с матерью, в новом доме. Дела в Москве у него шли неплохо. Несмотря на удивление матери, кое-что Миша организовывал хорошо. Например то, что ему нравилось. Миша был издателем. Понятное дело, помогли в свое время папины связи. Но дело-то пошло, поэтому что теперь вспоминать, кто и кому дал толчок. Могло и при таких связях все заглохнуть. Ан нет, издательство со временем превратилось в достаточно крупное, с Михаилом как с издателем считались, его мнение ценилось. И вот он уже мог не работать от зари и до зари и проводить больше времени с матерью. Или все-таки на море? И сын, и мать знали ответ на этот вопрос. Только у каждого он был свой. И не обязательно, чтобы он был одинаковым.

Их день в Ровене обычно строился так. Рано утром Ольга и Михаил шли к морю, пока не так жарко и народ еще отдыхал после ночных гулянок. Пляжа в привычном понимании этого слова здесь не было. И сначала это обстоятельство Ольгу разочаровало. Ну что это за бетонные подмости? В море по лесенке спускаться. Но зато в какое море! Свежее, прохладное. Ни с чем не сравнимая Адриатика! Плавать любили оба, и Ольга, и Михаил, заплывали далеко; туда, где море было особенно чистым и прозрачным. Да и хорошо, что нет этих нудных пляжей. Выскочил из воды, промокнул влажное тело большим махровым полотенцем и пошел гулять дальше, вдоль моря, периодически заходя в сосновый лес, который здесь же. Полметра – и ты уже идешь по лесной тропинке. Ну где еще можно встретить такую красоту?! На улице тридцатиградусная жара, а ты ее наблюдаешь с лесной опушки. С одной стороны – море, с другой – сосны. Хорваты – затейники. Между соснами можно наткнуться не только на уютные кафе, но и на площадку с гамаками. Около каждого гамака пенек, на пеньке – пепельница.

Сомнения Ольги по поводу того, зачем ей это надо, улетучились очень быстро. Особенно поразили ее вот эти самые пепельницы. Она не любила свою привычку курить, стеснялась этого, как слабости, но и бросить не могла. Особенно много стала курить после смерти мужа. Да и нужно ли что-то резко менять, в ее-то возрасте? Смешно! Уж сколько отпущено, столько отпущено. А тут никто не обращает никакого внимания, еще и пепельницы поставили. А вокруг вместо голубей бакланы ходят. Где мы, в сказке? Иногда у Ольги было именно такое чувство.

Но больше всего оба любили вечера. Когда можно было сидеть рядом, даже ничего друг другу не говоря, просто наслаждаясь тишиной, далеким шумом прибоя, ни с чем не сравнимым запахом моря и стрекотом цикад.

За пять лет строительство, благодаря Ольгиному напору, практически подошло к концу. Можно было уже просто жить и радоваться морю, необыкновенно мягкому климату и дивным соснам. А климат в Хорватии, действительно, оказался волшебный. И главное, он избавлял от всякой депрессии.

Иногда мать с сыном вечером, как спадала жара, шли в город. До Ровеня рукой подать. Каких-то двадцать минут по живописной дорожке вдоль моря, и оказываешься в сказочном месте. Мощеные узкие улочки, черепичные крыши, маленькие сувенирные лавочки. И Ольга, и Михаил были барахольщиками. Заходили в каждую лавочку, долго выбирали очередную тарелку или медную лампу. Не думая о том, куда все это приспособить. Главным был сам процесс покупки, выбора новой диковинной вещи. Бывало, приобретенная с таким азартом вещица впоследствии долго пылилась в углу, но это было не страшно. Зато какое удовольствие получали оба, торгуясь с продавцами!

И как заключение прогулки – обязательный ужин в рыбном ресторане «У Марко». Они нашли его случайно. Одним из вечеров вышли через арку в стене и оказались на небольшом плато. С одной стороны обрыв, далеко внизу плещется море, с силой разбиваясь о стену, с другой – маленький рыбацкий домик. Пара столиков внутри, пара – на этом самом плато. Вот и весь ресторан. Ольга с Михаилом любили сидеть на улице. Солнце уже садилось, становилось прохладнее. Ресторан не самый дорогой и известный. Но какая там была кефаль, а какие креветки! Пальчики оближешь! Хозяин ресторанчика, тот самый Марко, уже знал эту парочку, всегда радовался их приходу. И не надо было ничего заказывать. Стол накрывался сам собой, а к нему – обязательное хорватское белое вино, бутылка воды и, конечно, оливки и свежий белый хлеб.

– Марко, с тобой не похудеешь! – возмущалась Ольга.

– А вам и не надо!

– А я, может, и не о себе совсем, я о Мише.

– Мам, худеть будем в Москве, отстань. Марко, ты с нами выпьешь?

– Обязательно! Только поздравляюсь с новыми гостями.

Через минуту Марко подсаживался к ним за столик и все трое прекрасно проводили вечер за дивным, очень легким и одновременно терпким вином и веселыми разговорами.

Вино всегда подавалось в огромных бутылках зеленого цвета с пластмассовыми крышками. Вначале взыскательных москвичей это неприятно удивило. Но удивление сохранялось только до того, как была снята первая проба.

– Я плохого вам никогда не посоветую. Это лучшее, что есть в нашем регионе. Сам к фермеру езжу. Так что не смотрите на крышки, не это главное.

Иногда засиживались за полночь. Как правило, это происходило, если Марко вдруг вспоминал войну. Десять лет, как закончились боевые действия, но для хорватов тема была болезненная. Саднила и не давала покоя. Марко был участником той самой крупномасштабной операции «Буря», в которой было убито около двух тысяч человек. Сам он был контужен, долго провалялся в госпитале и не мог об этом до сих пор вспоминать спокойно.

Миша же, напротив, «лез в бутылку», проводя параллели с Афганской войной.

– Нет, ты скажи, стоило все это? Вот такой ценой?

Особенно обоим тянуло на выяснение отношений:

кто прав, кто виноват, – после рюмочки выпитой на посошок местной сливовицы, самогона, настоянного на сливах.

– Все, молодые люди, заканчиваем, правду мы с вами все равно не найдем. У каждого она своя, – решительно поднималась Ольга со стула.

Миша еще долго обнимался с Марко, они называли друг друга братьями и обещали встречаться ну хотя бы раз в неделю.

2.

7–30. Свидание с прошлым

РОВЕНЬ удивительно подходил Оле. И дело не только в здоровье, а в общем эмоциональном состоянии.

С Гришей она объездила весь мир, он был достаточно известным человеком, писателем. По своему основному образованию историк, Иевлев легко скрещивал исторические реалии с вымышленными приключениями, а порой и с детективной историей. Его книги захватывали читателей, никого не оставляя равнодушным.

Исторические герои оказывались на поверку простыми людьми, с их бедами и радостями. Им хотелось сопереживать, узнавать о них все новые подробности. Частенько даже школьные учителя рекомендовали ученикам романы Иевлева. Так ребята скорее разбирались в исторической ситуации. Преподаватели сами удивлялись гению автора. Ну почему учебники написаны так скучно и безлико? И ребята ничего ни понимать, ни запоминать не хотят. А тут прочитали во время школьных каникул роман известного писателя, и общая суть уже ясна. Конечно, не все исторические факты подавал Григорий однозначно.

Вопросы к нему были, и у учителей, и у историков, не все разделяли его точку зрения. Но то, что написано было талантливо и захватывающе, – в этом никто не сомневался. Благодаря Иевлеву возродился интерес к отечественной истории. Какие они были, декабристы? Зачем им все это? Почему их жены, обеспеченные и изнеженные, бросили детей, хорошую жизнь и подались за мужьями в острог? И почему княгиня Волконская, прожив в Сибири с мужем двадцать пять лет, вернулась и развелась с ним? Или Бородинская битва с ее гениями – Кутузовым и Барклаем-де-Толли. А ведь и у них была личная жизнь, простые человеческие радости.

Романы Иевлева были переведены на многие языки, он был постоянным гостем и Лейпцигской, и Франкфуртской книжных ярмарок.

Ездил Григорий много и во все поездки старался брать с собою Олю, особенно после того, как она закончила свою карьеру балерины. Вспоминая эти путешествия, однажды Ольга вдруг осознала, что ни одна страна не произвела на нее такого впечатления, как Хорватия. Даже, наверное, не так. Все было и хорошо, и ново, и интересно. А здесь – было ощущение счастья. В первый раз за пять лет, прошедших после смерти Григория, она испытала чувство радости именно когда приехала сюда. Она поняла, что в этой жизни ее еще что-то ждет. И есть на этой земле и для нее уголок. И она для себя его построит. Вот здесь, на этом самом месте.

А этим летом она даже решилась пригласить подругу. Подругу ли? А как назвать человека, в которого врос корнями? Когда и он про тебя все знает, и ты про него. И ругаешься, и завидуешь, и злишься. А как без Ядвиги? Возможно ли новых друзей в их возрасте заводить? Правильно ли? Конечно, нет. Старое бы не потерять. Слава богу, они с Ядвигой обе это понимали. И бурлила вода в огромном стакане их дружбы не раз, но расплескаться они ей не дали. И в самых трудных жизненных ситуациях были всегда вместе.

Сложно. Это на Западе психоаналитики. А у нас их нет. Вот и отыгрываемся на близких подругах. И совета от них ждем. А что они могут посоветовать? И навредить тоже, между прочим, могут. Да еще как. И Ольга с Ядвигой друг друга выслушивали, порой и советы дурацкие давали. Может, своими безапелляционными советами Оля когда-то испортила подруге жизнь. Кто знает? Ольга часто корила себя бессонными ночами, чувствовала себя виноватой. Только время назад не воротишь. Что было, то было. Но подругами они остались.

– Мама, самолет прилетел. Давай докуривай, и пойдем.

– Миша, я волнуюсь. Скажи мне честно, как я выгляжу?

– Говорю тебе честно, сногшибательно. Твоя подруга сейчас облезет от зависти.

Ольга, расхохотавшись, легонько стукнула сына по спине.

– Болтун!

А только Миша сказал именно те самые слова, которые были ей так необходимы. Было, было у них с подружкой негласное соперничество всю жизнь. Обе балерины, правда, уже очень бывшие, но походка, поворот головы, выворотная ступня – это все осталось. Ольга гордилась тем, что никогда не делала пластических операций. Она была красивой от природы. Мама наградила ее хорошей кожей, и Оля не считала, что восковое лицо может скрыть возраст. Пусть все будет как есть. Главное, это красота и молодость души. И Гриша ее всегда в этом поддерживал. У Ядвиги за плечами пластических операций было две.

– Ну и что? И объясни мне, какая между нами разница?!

– Огромная!

Такой вот извечный спор подруги беззлобно вели уже много лет. Каждая при этом оставалась при своем мнении. Но в этом году Ольга почувствовала, что сдала. Этот дурацкий перелом лодыжки, который на несколько месяцев приковал ее к креслу. И вот они – лишние килограммы, и нет уже той легкой походки. Раньше она все бегала. Все нужно было успеть. И все бегом, и все на лету. А теперь она притормозила. Стала ходить осторожно, как бы прощупывая сначала каждый шаг.

– Миш, а ведь знаешь, я себя не узнаю. Вот прохожу мимо витрины, невольно смотрю в нее и думаю, а где же я? Все отражения вижу, а своего – нет. А я-то где? Неужели я – вот эта самая тетка? Нет, эта тетка на маму мою похожа! А я-то где? Я?

– Мам, брось, всем бы в твоём возрасте так выглядеть.

Слова Михаила были Ольге необходимы. Хотя она и понимала, что скорее всего он ей льстит.

– Миш, почему они до сих пор не выходят? И куклу для девочки мы дома оставили. Может, лучше было все-таки ее с собой взять? Не знаю я. И Петр передумал с ними приезжать. В последний момент. Нет, ну я тебя спрашиваю, почему?

– Вот у Ядвиги сейчас и спросишь. По-моему, это как раз она.

– Господи, Ядвига!

Несмотря на ранний час прилета, некоторые пассажиры передвигались с трудом; видно, приняли на грудь уже в самолете. «А почему, собственно, нет? – всем своим видом говорили они. – Заслуженно отдыхаем!» Другие, напротив, торопились, пытались растолкать рядом идущих своими огромными баулами, чем только усиливали давку. И почему наши люди так не любят сдавать чемоданы в багаж? Как они сами себе это объясняют, чтобы не ждать его получения и не тратить на это драгоценное время. И вот ради этого они готовы тягать свои сумки при посадке в самолет, при выходе, терпеть неудобства при перелете. А в итоге все равно с автобусом будут ждать тех, кто свой багаж будет получать!

Среди большого потока людей Ольга выхватила подругу взглядом мгновенно. Идеальная осанка, высоко поднятая голова, знакомый тугой пучок волос, узкие брючки. Она. Конечно, она, ее старинная родная подружка. Нет, не изменилась. Ядвига тоже издали увидела Ольгу, замахала рукой. Но сквозь толпу пробиться было непросто.

Наконец Ядвиге это удалось.

Оля кинулась подруге на шею.

– Слава богу, прилетели. С трудом дождалась.

Оля повернулась к девочке, которую Ядвига держала за руку.

– Юля, как ты выросла. Да ты уже прямо невеста! Я бы дала тебе все десять лет. Нет, ну никогда не скажешь, что всего-то семь.

Девочка жалась к Ядвиге. Огромные недоверчивые глаза, жесткие непослушные кудряшки. Ясно, малышка с характером. Почему она так решила? Ольга не могла себе объяснить,

они только встретились друг с другом взглядами. И тем не менее. Улыбки от нее дожидаться будет непросто. Ну да ладно. После разберемся.

Оля гладила девочку по голове, одновременно не отпуская руку подруги. На глазах у обеих навернулись слезы. Миша решил разрядить обстановку:

– Ну, где тут долгожданные гости? Ядвига, ты не меняешься! А это кто у нас такой маленький?

Миша расцеловал Ядвигу, потрепал девочку по голове.

– Ну вот, Миш, только я сказала, что Юлечка очень выросла, а ты сразу – маленькая. Все, все, где ваш багаж? Быстро к нам!

– Оля, ну я же просила гостиницу.

– Гостиница, гостиница. Будет тебе гостиница. Но парадный обед? Я приготовила фаршированную рыбу, возилась полночи. Ну хорошо, хорошо. Сейчас отвезем вас в отель, а через час Миша заедет, и сразу к нам.

Еще час ждали багаж, разыскивали чемоданы Ядвиги и Юли. В итоге, все получив (правда, и не в таком идеальном виде, на который рассчитывали), поехали в гостиницу. Ненадлежащий вид чемоданов никого не расстроил. Главное – долетели, встретились. И уже всех захватил расслабляющий воздух Хорватии. Море, сосны, покой. Что еще нужно московскому человеку после целого года серых дождливых будней?

3.

10–00. Скатерть с ришелье

ДИВНОЕ место, чудный край, райское местечко.

Недаром Ровень признан самым романтическим уголком Хорватии. Неслучайно в поисках уникального места, где разворачивалось бы действие его романов, бессмертный Жюль Верн остановился именно на этом городе. Наверное, это о многом говорит. В распоряжении великого фантаста был весь мир.

Миша курил на веранде и любовался прекрасным видом. Слева – море, справа, вдалеке, на высоком холме – церковь Святой Евфимии, с колокольной и статуей святой. Зрелище завораживало и сейчас, на фоне синего-синего неба. А еще красивее становилось вечером, когда статуя подсвечивалась прожекторами.

В соседнем особняке заработала дрель. Ну вот, опять ремонт, не дадут покоя. Хотя, что делать, они тоже строились и мешали соседям. И эти неудобства придется терпеть еще, видимо, не один год.

Ольга суетилась, пыталась все приготовить к приходу гостей побыстрее. А вот уж и не получалось так споро. Все-таки возраст давал о себе знать, и она уже не была такой расторопной, как десять лет назад. Да что десять, еще пять лет назад бегала, как угорелая. Теперь все не то.

Ольга оглядела обстановку комнаты. Хотелось посмотреть со стороны, глазами постороннего человека. Вошел человек в дом, что он увидел? Да ладно, при чем здесь посторонний человек. Конечно, Ольга думала о подруге. Как она воспримет Ольгин дом?

Обстановка в гостиной, которая служила одновременно и столовой, была достаточно простая. Ничего лишнего, утяжеляющего, вся мебель из индонезийского ротанга цвета коньяка, большой диван, покрытый льняным непрокрашенным чехлом.

Все-таки Ольга воспринимала дом как летний, и ей хотелось эту атмосферу сохранить. Много солнца, света. Одна стена была полностью стеклянной. От пола до потолка раздвижные окна, открывающие прекрасный вид на веранду. Стены Ольга решила выкрасить в разные цвета. Одна, та, что напротив огромного окна, была терракотовой, а две другие – нежные, абрикосовые. Яркие цвета еще больше добавляли жизни, настроения. Никаких ковров, на полу – гранит, мраморная лестница. Сначала Ольга сопротивлялась этому холодному камню. По московским меркам, на полу просто обязан лежать паркет, лестница однозначно должна быть дубовая с тяжелыми перилами и балясинами. Здесь же вкусы постепенно менялись. Походила по магазинам, посмотрела на отремонтированные новые дома. И стало ясно, что значительно лучше смотрятся легкие кованые перильца, гладкие, как стекло, полы, в которые можно смотреться, огромные французские окна от пола до потолка. Ольга прямо заболела новым дизайном, новыми материалами.

И вот дом готов – светлый, уютный, ничего лишнего. Ольге все нравилось. Даже если Ядвига дом не примет, она не расстроится!

– Миш, что ты скажешь?

– Ты о чем?

– О чем, о чем. Весь в отца. Поговорить не с кем! Не о чем, а о ком. О Ядвиге, конечно. Подай мне скатерть. Да не ту! Белую, с ришелье.

– Мам, почему я знаю, что такое ришелье?

– А мог бы выучить за столько-то лет. Не в огороде, чай, живешь. Нет, я все-таки переживаю: удобно то, что мы поселили их в гостинице? Как-то неловко. У нас дом, конечно, небольшой. Но имеется же комната для гостей. Как ты думаешь, Миша?

– Мама, ну что теперь про это думать? Думать уже нечего. В гостинице всем будет удобнее. Захотели – встретились, захотели – разошлись. А в одном месте так не получится. И потом, мама, с Ядвигой ребенок. Не забывай, мы с тобой совершенно не имеем об этом никакого представления.

– Заметь, не имеешь только ты! Я тебя растила сама, мне никто не помогал.

– Да, да, при том, что ты танцевала практически без перерыва на декретный отпуск. А папа работал дома. Ты знаешь, мне почему-то всегда казалось, что он тоже принимал участие в моем воспитании.

– О чем ты говоришь? – Ольга от удивления сначала даже перестала разглаживать скатерть на столе. Потом решила не расстраиваться. Если вступить сейчас в дискуссию по поводу того, кто на самом деле растил Мишу, можно что-нибудь упустить из праздничной сервировки, а она сейчас, безусловно, важнее.

– Миша, не нервируй меня, откуда ты можешь помнить, кто тебя воспитывал, ты был для этого слишком мал. Лучше скажи, куда я положила зажимы для салфеток? Господи, ну куда я могла их задевать?

– По-моему, к тебе в гости едет английская королева. Они, между прочим, на две недели приехали. И что, каждый день их так встречать будешь?

– Это парадный обед, Миша, – Оля на минуту остановилась. – Это важно. Есть традиции, их ломать нельзя. Сын, дай мне слово, что ты никогда не забудешь, что значит парадный обед. Рецепт фаршированной рыбы записан у меня в красной кожаной тетрадке. Миша! Ты мне обещаешь?!

– Ну конечно, обещаю. И все, мне пора ехать за гостями. Может, что-то по дороге еще купить? Может, дыню?

– Да нет, какая дыня. – Оля уже разговаривала сама с собой.

Но услышав рев заводимого мотора, выскочила во двор.

– Миша! Ну ты же не ответил!

– Мам, про что, про зажимы?

– Господи, ну при чем тут зажимы? Ядвига! Как она тебе?!

Михаил обессилено вздохнул:

– Ты неисправима. И ты, конечно, лучше. Ядвига выглядит неважно.

– Ну и ладно, – вслед Михаилу успокоенно произнесла Оля, – поезжай с богом.

4.

13–00. Бриллианты или горный хрусталь?

– ЗНАЧИТ, вот как ты, подруга, устроилась.

Ядвига рассматривала дом. Во взгляде сквозило удивление. Такой Ядвига подругу не знала. Часто бывая у нее в московской квартире и на даче в Переделкино, Ядвига привыкла к совсем другой обстановке. Массивная дубовая мебель, много ковров ручной работы, картины, которые собирал Григорий. Против всего этого Ядвига всегда восставала.

– Ну как можно так жить? Это же не музей. Просто хочется тетечку на стул вот здесь сбоку посадить. Такую, в сером костюме, в очках, с указкой и табличкой на лацкане «Смотритель музея». Вот это будет дело! А то думаю, чего мне в вашей квартире все время не хватает? – Ядвига не могла не уколоть.

– Да ладно тебе, – добродушно парировал Григорий, – ты же знаешь, здесь много подарков. Люди же от всего сердца дарили. Ну а что-то, безусловно, куплено. Но ведь тоже с какой душой! Нет, ну посмотри на этого раннего Рейна. Скажи, как бы мы жили без этого мальчика? Он же как живой, практически стал членом семьи!

– Гриша, господь с тобой! У вас есть мальчик, причем совершенно живой, настоящий. Обалдел совсем – член семьи! Ну прямо Рембрандт. Ты знаешь, что Саския в итоге начала ревновать его к своим же портретам? Достукаешься, выкинет Мишка этого мальчика на помойку!

Ольгу эти вечные замечания Ядвиги немного раздражали. Пришел человек в дом, ну и похвалили или промолчи. Зачем же сразу критиковать? Хотя... Вот это и была Ядвига. И все-таки скорее это была не злоба, не желчность, а излишняя прямолинейность, постоянное желание всем и всегда говорить правду. И это после многолетней школы жизни в Большом театре! Как она там только выжила, с этим ее характером? А может, Большой и сформировал его?!

В новом доме подруги Ядвига не увидела ни дуба, ни клена. Яркие стены, шторы с растительным орнаментом, несколько современных литографий.

– С ума сойти! Оль, ты ли это? Сейчас мне плохо будет! Неужели выветрилась наконец эта твоя одесская провинциальность? Ну просто европейский дом.

– Ой-ой, Ядвига, ты неискривима! Ну не могла не вставить про провинциальность, – Ольга уже собиралась обидеться.

– Конечно, не могла! Потому что, Оля, я права. Ну смотри же, как здорово. Дышится-то как! У тебя на даче в Переделкино так не дышалось. Хотя вроде и дерево, и печка. Но все же залеплено, заклеено тарелками, фотографиями, вазами уставлено. Сесть некуда. Ну то есть встать. Тьфу, запуталась, – Ядвига посмотрела на Ольгу и, поймав ее насупленный взгляд, прижала подругу что есть сил к себе.

– Родная ты моя, не слушай ты меня, старую дуру. Брюзгой становлюсь.

Ольга, в свою очередь, прижалась к Ядвиге, тихонько гладила ее по спине.

– Да ты всю жизнь – брюзга, а я тебя все равно люблю. Спасибо, что приехала!

Ольга рассматривала Ядвигу. Та никогда не была красивой с точки зрения классических канонов. Нет. Но она всегда была стильной, всегда была эффектной. Она была из тех женщин, которые сами себя сделали. Среднего роста, с точеной фигурой. Волосы затянуты в пучок – балетная привычка или в подражание Плисецкой. Она не боялась открыть шею. «Естественно, раз уж операции сделаны, пусть все смотрят», – не без ехидства думала Ольга. И всегда – крупные, массивные украшения.

Сегодня это был горный хрусталь. Огромное кольцо, закрывающее две фаланги указательного пальца, длинные тяжелые серьги, оттягивающие мочки ушей. Такой же огромный камень на кожаном шнурке украшал шею. Ольга не могла не пройти по украшениям подруги – тоже тема их вечных споров.

– А ты верна себе. Что это – Сваровски?

– Лелька, и еще обижаешься на провинциальность. Горный хрусталь! Любимый камень всех немецких курфюрстов!

– Я думала, любимый камень курфюрстов – все-таки бриллиант.

– Это все пришло уже после, радость моя, а сначала на первом месте был горный хрусталь, – Ядвига повернула голову к Михаилу. – Миш, как, с мужской точки зрения? Скажи, красиво? И главное – это же в единственном экземпляре. А?

– Ядвига, здорово! Если что, эти камешки вполне можно использовать как оружие самообороны.

– Эх вы, тундра и есть тундра. А вы знаете, что это – символ женской чистоты? Слышали когда-нибудь?

– Да, Ядвига. Только как-то ты с этим камнем опоздала. Ты замужем сколько раз была? – хохотнул Михаил.

– А это неважно. Главное, камень мне помогает оставаться чистой душой.

Всем троим сразу стало легко и весело. Ядвига походя обижала других, но и над собой была не прочь посмеяться!

Стильно, ничего не скажешь, но Ольга не понимала увлечения полудрагоценными камнями. Сама носила только бриллианты, чаще – старинной работы. Остались от бабушки, да и муж любил покупать в антикварных магазинах. Для Григория это был ритуал. Договориться с ювелиром, встретиться, долго обсуждать год, когда изделие было сделано, каратность и чистоту камней, целостность огранки. Иногда покупались украшения и не совсем кстати.

– Гриш, ну куда я эту брошь смогу надеть? И главное, с чем? Я допускаю, что это уникальный сапфир. Но выглядит он, как стекляшка в медной тарелочке. Прости, любимый, но мне кажется, ты немножко увлекся семнадцатым веком.

– Оля, о чем ты? Это уникальная вещь. Красоты редкостной. Я даже боюсь предположить, кому она могла принадлежать. Именно из-за этой броши могло произойти то самое страшное убийство! Оля, неужели я докопался до истины?!

– Гриша, господь с тобой, да я никогда это на себя не надену, тем более после твоих рассказов.

Но Григорий жену уже не слышал, он бежал к книжному шкафу, рыться в фолиантах, чтобы подтвердить свою страшную догадку.

Ядвига считала увлечение Григория старинными бриллиантами по меньшей мере мещанством. И всегда носила эти свои булыжники. И в ушах, и на пальцах, и на шее. И никаких юбок. Ядвига очень хорошо знала свои недостатки, и натруженные ноги с узловатыми венами старалась скрывать брюками. Вот и сейчас на ней опять были брюки. В гостинице Ядвига успела переодеться, светлый костюм сменила на ярко-синий. Льняные шаровары, маечка в тон. Что и говорить, светлые украшения из горного хрусталя были здесь как нельзя кстати.

«Опять брюки», – про себя отметила Ольга.

Вот и тут она выигрывала у подруги. У Ольги не было этих страшных мускулистых балетных ног, и она предпочитала платья или юбки. Могла это себе позволить. Ядвига – нет. Ольга поражалась себе самой. О чем она сейчас думает? Почему? К чему сейчас уже эта конкуренция? Гонка – кто в чем, что почем? Откуда в ней столько злости, злорадства?

Приехала ведь, в конце концов, ее лучшая подруга, можно сказать, уже почти единственная. И, наверняка, приехала с добром. Эти Ядвигины колючки можно просто опустить, не обращать на них внимания. В душе она не такая. И сколько же вместе прожито-пережито.

* * *

Оля сидела во дворике на скамейке и ждала, когда наконец выйдет мама. Рядом с удовольствием уплетала мороженое худющая веснушчатая девчонка.

Вовсю светило обманчивое весеннее солнце. Когда кажется, что вот оно, пришло наконец тепло, и можно снять надоевшие шарфы и шапки. И не хотелось обращать внимание на холодный мартовский ветерок. И думать о том, как это опасно. Прохватить может ого-ого как. В один момент! И организм за зиму ослаб, и температура на улице хоть и плюсовая, но всего-то пять градусов. Но ручьи-то журчат! Воробьи-то чирикают!

Девчонка всем своим видом демонстрировала, что ей эти дуновения холодного ветра были не страшны. Пальто распахнуто, шея голая, шарф и шапка виднелись из оттопыренных карманов серого драпового пальто с цигейковым воротничком.

Она с любопытством рассматривала Олю.

– Это ты показываться приехала? – Девчонка облизнула вафельный стаканчик. Еще бы немного, и мороженое начало капать на грубые коричневые ботинки.

– Я. А ты откуда знаешь?

– А я все знаю. Я здесь старожила. Я тебя в коридоре вчера видела. И потом на уроке слышала, как тебя Екатерина с Игорем обсуждали.

– А это кто?

– Ну ты даешь! Профессора наши! Откуда ты приехала-то? Тундра!

– Никакая я не тундра. Из Одессы я.

– Во-во, точно. Разговариваешь смешно. В театральные бы тебя точно не взяли с таким говорком. А к нам возьмут. Счастливая, – девчонка тяжело вздохнула. – У тебя данные природные хорошие.

– Это что, преподаватели так сказали?

– Ага, – девчонка незаметно вытерла пальцы о пальто. – И растяжка хорошая, и гибкость, и прыжок. Говорили, что это редкость. У меня вот тоже прыжок хороший, а руки мои Катерине ну никогда не нравятся. «Тяни, тяни!» Куда тянуть? Некуда уже. Надоели. Назло им пошла и мороженого наелась.

– И что теперь?

– Да ничего, – новая знакомая расхохоталась. – Я не поправляюсь. Вот в этом мне повезло. Ем, сколько хочу.

Оля с недоверием посмотрела на девочку. Что-то не верилось. Девчонка была невероятно худая. Только в фильмах военных играть. Худая и угловатая. Конопатая, с большим ртом. Но был в ней какой-то задор. И Оле стало немножко теплее в этой не очень, как ей показалось, приветливой Москве.

– А где ты жить будешь? – девчонка продолжала задавать вопросы, и это Олю немножко отвлекало от нервного ожидания.

– Не знаю я. И вообще, мы еще ничего не решили. Квартиру будем снимать или комнату. И потом, может, меня еще и не возьмут.

– Возьмут, возьмут. Я никогда не ошибаюсь. Тебя как звать-то?

– Оля.

– А меня Ядвига. Видишь, у меня и имя какое непростое. С таким именем бухгалтером не станешь. Это имя только для артистки.

Ядвига вскочила со скамейки и встала в балетную позицию.

– Выступает народная артистка Советского Союза Ядвига Станюкевич! – и она сделала глубокий реверанс.

– Ну как?

– Здорово! – Оля поражалась раскрепощенности девчонки.

– А ты говоришь, сомневаемся. Что тут сомневаться? Это шанс. Танцевать в Москве, в Большом театре. Музыка, цветы, поклонники.

Ядвига легко двигалась перед Олей, периодически изящно приседая в сторону неведомых поклонников. Ей не мешали ни огромные ботинки, ни пальто, свешивающееся с плеч.

– Что ты там увидишь в своем Херсоне?

– В Одессе, – поправила Оля. – У нас там, между прочим, тоже есть Театр оперы и балета. Очень даже известный.

Ядвига остановилась.

– Так у вас там Большой театр есть?

– Ну нет же, откуда? Большой театр – один, – Оля даже растерялась.

– Тогда при чем здесь Театр оперы и балета? При чем? Танцевать нужно только в Большом. А если ты в Большом не танцуешь, ты должна всю жизнь к этому стремиться и идти к этому часу мелкими шажками. Это должно быть твоей целью. Запомнила?

Оля сидела пораженная. Ну надо же, эта маленькая Ядвига ни в чем не сомневается. Ей известно абсолютно все. Как же ей, наверное, легко в жизни. Когда не надо мучиться, принимать решения, просить бесконечных советов. И Ольге захотелось иметь вот такую подругу, как Ядвига. Которая может вот так – раз, и решить все за тебя.

Оля улынулась. А действительно, что они с мамой, собственно, сомневаются? Решено, остаемся в Москве.

– Смотри, вон твоя мама идет, – девчонка кивнула на дверь училища.

Действительно, пропустив вперед ватагу ребят, к ним приближалась Галина Михайловна. Оля посмотрела на маму и невольно залюбовалась ею. Высокая, статная, в красивом коричневом пальто с большим шалевым воротником, с поясом, подчеркивающим талию. На голове – аккуратная шляпка в тон, с большим бантом в белый горох. Шляпку позаимствовали у соседки Риты, все-таки в Москву ехали, нужно было не ударить в грязь лицом. Пальто мама сшила себе сама. Отрез сохранился еще довоенный. Хватило на пальто и ей, и Оле. Правда, для Оли пришлось комбинировать с кусками вишневого цвета. Остались от пошива пальто все для той же Риты. Мама взяла за работу чуть дешевле, в обмен вот на эти куски. И красиво сделала в другом цвете воротник, кокетку, отделала отворотами рукава. Еще хватило и на берет. Вот такими двумя модницами они в Москву и приехали.

И кстати, зря волновались. Женщины в Москве одеты были совсем не интересно. Мрачно, в основном цвета серые, боты грубые. На головах чаще платки, а не шляпки, привычные для Одессы. Отголоски войны еще сказывались, людям было не до модных нарядов.

– Ну ладно, мне тоже идти пора!

Ядвига развернулась и красиво побежала, размахивая непомерно большим для нее портфелем.

Оля смотрела ей вслед и не знала, что следующая их встреча будет только через двадцать лет.

5.

14–30. Балерина, это на всю жизнь

– НУ ЧТО, Лелька, рыба замечательная!

– Ты знаешь, действительно! Я так волновалась. Не знаю, наверное, все-таки возраст. И рыбу удалось купить только двух сортов, ты же знаешь, я всегда делаю из трех. И кастрюли такой глубокой с плоским дном здесь нет. Думала, все, опозорюсь, ничего не выйдет. А вроде получилось.

– Миш, тебе понравилось? – крикнула Ольга сыну. Он уже давно вышел из-за стола и сидел в своем кабинете за компьютером.

– Конечно, мама, – ответил Михаил, не отрываясь от работы.

– Думаю, он даже не услышал, о чем я его спросила. Весь в отца. Тот вечно был в своих мыслях.

– В мыслях о своих книгах, – поправила подругу Ядвига.

– Ты об этом? – Оля задумалась. – Наверное, ты права. Юлечка, а тебе? Ты наелась, лапушка?

Девочка укладывала спать на диване новую куклу.

– Было вкусно. Мама, можно я пойду с Машей во двор?

– Ты назвала куклу Машей? – Ядвига подошла к Юле. – Почему? Может, придумаем с тобой вместе какое-нибудь красивое имя, сказочное? Смотри, какая кукла интересная. И платье на ней бальное. Давай она будет Эсмеральдой?

Кукла, действительно, была необыкновенной. Ольга потратила много времени, чтобы ее купить. У нее никогда не было знакомых детей-девочек, и она сначала просто не представляла, что выбрать. Про мягкую игрушку в такую жару даже не думалось. Ну какой может быть мишка или слоник? В такую жару и к себе-то такую игрушку не прижмешь. Ну конечно, кукла. Только вот какая? От сплошных рядов одинаковых заморских Барби Ольгу замутило. Что это? В это можно играть?

В ее детстве были большие краснощекие пупсы. В такого же играл и маленький Миша. И спал долго с куклой Валериком. (Боже, и почему с Валериком? Сам вот придумал и назвал! Разбери этих ребятишек.) Пока в один ненастный день Валерик не упал с кровати. Фарфоровая голова бедняги разбилась вдребезги, Мишка долго и безутешно плакал. И потом начались проблемы со сном. Новый Валерик был ему не нужен, и без своей куклы он отказывался засыпать категорически.

Оля выбирала подарок для Юлечки и вспоминала сначала свое детство и игрушки, которыми играла, потом детство Миши. Как же все изменилось! Красочные конструкторы, огромные автомобили, просто как настоящие. А куклы-то, куклы?! Нет, Барби покупать Оля не хотела принципиально. Пусть будет вот эта хорватка. Красивая резиновая мордашка, светлые кудряшки, национальный задорный наряд. Она купит Юле именно ее. И будем надеяться, девочка не разочаруется.

И действительно, Ольга угадала. Юля сразу приняла игрушку, вот уже два часа ее из рук не выпускает, за столом потихоньку кормила ее с ложечки. Смешные они, девчонки. Вот и имя ей уже придумала. А Ядвиге не нравится.

– Мне нравится Маша. Ты же знаешь, я против необычных имен. Все должно быть, как в жизни, – холодно ответила Юля. – Так я пойду во двор?

– Конечно, конечно, деточка. Мы сейчас с тетей Олей тоже переместимся на веранду. Оля, да? По-моему, жара, наконец, спала. Что ты скажешь?

– Отличная идея, Ядка! Сейчас я сварю роскошный кофе, и мы будем с тобой сплетничать на веранде. С хорошим кофе и настоящей сигаретой.

Ольга раздвинула огромные окна и пригласила подругу на веранду. Мощеный пол из шероховатого камня, полосатая маркиза. Мебель вся также из ротанга, только светлая, цвета меда. Маленький диванчик, два кресла, журнальный столик. Опять минимум мебели, максимум удобства и уюта.

– Располагайся, кофе сейчас будет. Как ты любишь, с пенкой! – заговорщицки подмигнула Ольга. И, понизив голос: – Я не знала, что она стала звать тебя мамой.

– А как ей еще меня называть, мачехой? Ой, Лелька! Всего не рассказать. Это все потом. Для этого нам нужно с тобой больше времени. Как же хорошо, что я приехала на две недели. Нет, ну ты почувствовала ее характер? Ей не нравятся красивые имена. На меня намекает. Маша в вечернем платье. Оля, плебейская кровь. Я ничего не смогу сделать. А как она сама одета, ты заметила?

– Ну, сейчас девочки вообще странно одеты, мне непонятно, – осторожно произнесла Оля, хотя и ей наряд Юли показался как-то не по погоде. В отличие от Ядвиги, девочка после самолета не переоделась. Колготки (это в такую-то жару!), черная водолазка.

– Все как-нибудь образуется, – Ольга не знала, как поддержать подругу, они не общались слишком долго, и действительно им было что рассказать друг другу.

Ядвига прошла обратно в дом, помочь Ольге с посудой.

– Да-да, ты права. Оставим это. Все это пустое, пустое. Ладно, говори, какие чашки брать. Вот эти, желтые?

– Ядвига, не позорь меня. Из этих желтых я пою чаем рабочих. Купила здесь, на местном рынке. Но они веселые такие, летние. Опять же, как ты заметила, подходят к моему новому видению жизни. Но, Ядвига, парадный обед!!! Зря я, что ли, Кузнецовский фарфор с собой тащила. Именно думая вот о таких случаях. Вот приедет ко мне вредная Ядвига и спросит: «Ну что, надоело тебе народ удивлять, начала кофе из обычных магазинных чашек пить?» – а тут я – раз, и свой сервис! Я его, если надо будет, и на Северный полюс с собой заберу!

Ядвига расхохоталась и сразу превратилась в смешную конопатую девчонку.

– Лелька, Лелька, пусть эти годы идут к черту! И будем мы с тобой и дальше не молодеть, а и наплевать. Главное, чтобы в душе мы сами себе не изменяли. И оставались всегда собою.

– Неси на веранду! – Ольга передала Ядвиге маленькую сахарницу, белую, с неприметным цветочным узором. На первый взгляд ничего особенного. Но это не для знатоков: кто представление имеет – и тонкость фарфора оценит, и клеймо на обратной стороне разглядит.

– Не разбить бы!

– А ты аккуратней. Тут пол везде каменный, если что, все сразу на мелкие кусочки, – нарочито строго сказала хозяйка. И тут же улыбнулась: – Ой, подруга ты моя дорогая, – Ольга дотронулась до руки Ядвиги, – а неважно это все. Главное, ты приехала. А посуда, она бьется, это не страшно! Слушай, у меня же есть потрясающая пластинка. Сейчас будем пить кофе и слушать Шопена. Помнишь, как раньше.

Конечно, Ядвига помнила. Они обе выросли в классическую музыку, столько лет жили в ней. Но предпочтение всегда отдавали Шопену. Под его музыку обе когда-то танцевали «Шопениану». Как же здорово, что и для Ольги это было важно.

Ольга поняла настроение подруги.

– А как ты думала, это всегда со мной.

На веранде они удобно расположились в мягких креслах, обе закурили и погрузились в завораживающую музыку польского композитора. Даже жалко было прерывать молчание. Потому что молчали они каждая про свое, но вместе, и им было хорошо от этого. И вспоминался их каждодневный класс и Катерина с резким голосом и громкими хлопками в такт:

– Девочки, собрались! И раз, и-и два! Ольга, держи спину, Ядвига – руки! Батман, еще! И глубокое плие.

Ольга поняла, наконец, что безумно рада встрече с подругой, со своей молодостью.

Прошедший год был для нее тяжелым. Этот перелом, никак не могла встать на ноги, ничего не хотелось. Ну и, как результат, расплылась, конечно. Нет, Ольга знала, что для семидесяти лет она выглядит достаточно прилично и еще очень даже моложаво. Пришлось обновить гардероб, и это тоже было неплохо. Ольга умела носить вещи.

Но сама про себя она знала, что изменилась. В молодости Оля была очень похожа на польскую актрису Барбару Брыльску, только темноволосую. Такой ее Ольга видела только в одном фильме – «Анатомия любви». Фильм был в свое время страшно популярным. И сравнения эти с Барбарой даже раздражали Олю. Потом актриса выкрасилась в белый цвет, и приятели немного успокоились. Теперь Оля сияла своей уже несравненной аристократической красотой. Как правильно заметила Ядвига, все это осталось только в душе. Ну что же делать. Жизнь практически прошла. А еще хочется и встречаться, и стол накрыть, и, слава богу, есть еще силы вот так встретить дорогую подругу.

– Подожди, Ядвига, подожди. Ты же мне привезла подарок. Нет, ну ты подумай – память! Я со своей фаршированной рыбой и фамильным сервизом забыла обо всех правилах приличия. Позор, Ядвига, позор. Что это? Скатерть? Боже, неужели это та самая, которую ты привезла из Парижа?! Нет, не возьму, с ума сошла, я же знаю, что она для тебя значила.

Ольга держала в руках обычную на первый взгляд белую скатерть. Едва угадывалась белая же вышивка затейливыми вензелями.

Ольга расцеловала подругу, у обеих глаза наполнились слезами.

– Того уже не вернешь, Леля, и ты осталась единственным человеком, кто может это оценить. А я уже вспоминать ничего не хочу. У меня другая жизнь. Юльке семь лет. Я хотя бы десять лет еще обязана жить.

6.

Париж-Одесса-Москва

ГАСТРОЛИ были потрясающе успешными. Париж, середина семидесятых, все билеты проданы за полгода. Полный аншлаг. Парижский театр оперы и балета. Всемирно известный Гранд-Опера. Дух захватывало только от одного названия. А сам театр? Полная противоположность нашему помпезному Большому, но сложно сказать, который лучше. Невозможно, уж больно разные. Только в нашем Большом все понятнее, роднее, и призрак Оперы в нем не живет.

Парижский же, напротив, загадочен, окутан тайнами.

Оля уже два года танцевала в Большом. Беспрецедентный случай, ее взяли в труппу в тридцать пять лет. Грише предложили переехать в Москву, так было удобнее для его работы. Оле было непросто: прима-балерина Одесского театра.

Переезд в Москву мог стать для нее просто катастрофой. Она не могла не работать. Балет был ее жизнью, ее страстью. Притом, что, конечно, она любила мужа, радовалась, что родила ребенка. Но без театра она не могла. Это удел всех балетных. А иначе чем можно объяснить эти многочасовые репетиции, эти в кровь стертые ноги, постоянные ограничения в еде? И вообще, когда вся жизнь подчинена балету. Твоя жизнь, жизнь твоих близких.

Поэтому, когда переезжали в Москву, Олина работа была основным условием. Она и театр были неразделимы. Гриша уже давно был известным писателем, имел громкие звания, и Оля могла не работать, заниматься домом, семьей. Но для нее это было бы половиной жизни. И она была не готова расстаться со своей судьбой – балетом.

Семья никогда не страдала от того, что мама – балерина. Домом она всегда занималась сама. При том, что это было не так уж и просто. Муж работает дома, и сын из школы приходит днем. Значит, каждый день должен быть обед. В Одессе они жили рядом с театром, и хотя бы это было удобно. С утра – бегом в театр, на первую репетицию. Потом бегом обратно, к плите. Обедали всегда дома, вместе, а вечером – спектакль.

Оля любила готовить, и умела это делать хорошо. В доме часто бывали гости, люди богемные, искушенные, и Оля всех принимала, накрывала огромные столы, с несколькими переменами блюд.

– Григорий, как тебе удастся удерживать подле себя такой брильянт, поделись опытом? – шутил известный писатель Краев. – Ты же все время в другом веке! А за такой красавицей глаз да глаз нужен, не ровен час уведут ее балетные. Слушай, Гриш, а что мы есть тогда будем?

Иевлев шутки понимал и сам любил пошутить.

– А ты знаешь, я иногда возвращаюсь, как в том анекдоте, – из командировки без предупредительного звонка. И что странно, все время нахожу дома жену, да не просто жену, а еще и с только что приготовленным винегретом! Веришь?

– Нет! – и друзья начинали вместе хохотать.

– Нечего здесь меня за глаза обсуждать, – бросала на ходу Ольга, меняя тарелки на столе. – Люблю я его просто! – и она, приобняв мужа, целовала его в вихрастую голову. – Из любого века его достану, никакой царице не отдам!

Откуда было столько сил? Молодость, молодость. Гриша помогал, как мог. Но по большей части у него ничего не получалось. Абсолютно был беспомощен в хозяйственных вопросах. Олю это никак не напрягало, напротив, очень веселило. Она любила мужа, гордилась им, благодарила Бога за этот союз. И потом, оба они были из Одессы. А там не принято, чтобы мужчина вмешивался в женские дела. Кухня – это удел женщин, а никак не мужчин.

Переезд в Москву для Ольги был неожиданностью. Конечно, уже давно предполагалось, что писатель такого ранга вполне может стать столичным жителем. Но может ведь и не стать. И все-таки решили переезжать. Тридцать пять лет для балерины – возраст нешуточный. Неужели придется прекратить танцевать? Оля не смогла бы с этим смириться никогда. Лучше уж она останется в Одессе.

Как получилось, что Олю взяли в Большой, оставалось для нее загадкой. Или действительно она была такой талантливой? С возрастом она стала особенно хороша в характерных танцах, а это редкость. Ее ввели в разные спектакли с индийскими танцами, испанскими, цыганскими. Здесь Ольге не было равных. И возраст даже добавлял шарма. Она брала уже не только техникой, но и душой, опытом жизненных переживаний.

Для театра такую балерину иметь в запасе всегда хорошо. Или все-таки сыграла роль знаменитая фамилия мужа? Неизвестно. Но Ольга стала танцевать в Большом. Наконец-то мечте суждено было сбыться. Двадцать лет. Мечтала ли она об этом театре все эти годы? Наверное, скорее она запрещала себе об этом думать. Не нужно, зачем? Карьера и так складывалась прекрасно, и нечего было гневить Бога.

* * *

– Оля? Я не ошиблась?

Навстречу шла молодая аккуратная женщина с собранными в тугую пучок волосами. Неужели? У Оли перехватило дыхание.

– Да, меня зовут Оля. – Незнакомка широко улыбнулась, и Оля поняла: нет, она не ошиблась.

– Ядвига?!

– Ага, все-таки в Большой?! Все-таки мелкими шажочками!

Ядвига стала ее единственной знакомой в театре. Что бы Ольга без нее делала? Новенькой было совсем нелегко. С одной стороны, вроде уже не девочка и могла за себя постоять, с другой стороны, то, что уже не девочка, только добавляло сложностей.

Одного таланта было мало. Интриги, закулисные игры. И в Одессе этого хватало, и там балеринам ленточки на пуантах подрезали. Но в Москве все было более изощренно. О дружбе с кем-нибудь не могло быть и речи. Одна яростная конкуренция.

А с Ядвигой Ольга сошлась. Почему? Наверное, балерина из провинциальной Одессы была свежим человеком, и захотелось Ядвиге наконец к кому-то приткнуться, надоело жить в постоянной вражде, бороться за выживание. И потом, человеческая натура такова, что быть покровителем – приятно, особенно, когда тебе это ничего не стоит. А тут приехала Оля. Балерина – сильная, а в человеческих, социальных отношениях, как слепой котенок.

Потом и Ольга ввела Ядвигу в свой дом, в элитный писательский круг. Хотелось закрепить балетную дружбу.

Григорий не сразу принял новую подругу жены. Даже при характерном для него «частичном отсутствии» безапелляционная прямота Ядвиги его немного задевала.

– Оля, по-моему, она злая. Как ты можешь с ней дружить, не понимаю.

– Гриша, да я бы без Ядвиги пропала! Удивляюсь, что она со мной возится. Сама не представляла, что в такую мясорубку попаду. То одна помаду перед самым спектаклем украдет, то другая чай на стул в гримерке прольет. Ядвига отбиваться помогает. А то, что она злая... Нет, она просто прямолинейная. Все, что думает, обязательно выскажет. А нравится это тебе или нет, она об этом не задумывается! Но у нее есть одно качество замечательное – она ничего не сделает исподтишка. Никогда! В глаза что-нибудь неприятное скажет, это запросто, а вот за глаза – нет. Что ты, Гриша! Слава богу, что она у меня есть. Большой – это, как оказалось, не

только школа и сцена, это еще и много-много сложностей, слез и всяческих разочарований, – Ольга и не хотела жаловаться, но и в себе держать все злоключения подчас не было сил.

– Бедная ты моя голуба, зачем это тебе, ну скажи? – Гриша прижимал Ольгу к себе. – Бросила бы уже. Уж достаточно, наверное. Весь репертуар, по-моему, сплясала, – аккуратно прошупывал Григорий почву.

– Гриша, опять?! – Ольга не переносила постоянные споры по поводу своей работы, и еще это унижительное «сплясала»! Григорий не понимал всю серьезность театра для Ольги, чем порою сильно ее обижал и разочаровывал. Никогда они серьезно не ссорились. А вот на этой почве мог разгореться нешуточный скандал.

– Молчу, молчу, – Иевлев понимал, что затронул болезную тему, и попытался увести разговор: – А кстати, Ядвига, какое интересное имя, откуда оно? И почему ты называешь подругу Ядкой? Всегда считал, что первая буква в этом имени «Е». Это же польское имя? Недавно прочитал в каталогах Дрезденской галереи про принцессу Гедевику.

– Почем я знаю, а про балет, Гриша, ты запомни!

Григорий понимал, что уловка не удалась, и теперь ему весь вечер предстоит обсуждать эту болезную тему. Очень неохота. Тогда – попытка номер два, или он не писатель, знаток человеческих душ?!

– Подожди, Оля, не кипятись. Кстати, твоя подруга с дурным характером и неправильным именем очень нравится нашему Леве.

– Брось!

Все, уловка номер два удалась, Ольга про неприятный разговор забыла.

– Не знаю, правда, зачем это нужно Леве. По-моему, у твоей подруги нет недостатка в кавалерах. И это, кстати, тоже ей в минус. Когда женщина в таком возрасте и до сих пор не замужем, это тоже подтверждает ее нелегкий характер.

– Да, характер непростой, врагов у нее куча, это ты прав. А то, что она не замужем... Гришка, знаешь, среди каких мужиков мы крутимся? Разве ж это мужики! Слава богу, мне повезло. Ядвигу осуждать не будем.

Через полгода Ядвига вышла замуж за сценариста, друга Григория.

Жизнь шла своим чередом, подруги ссорились, мирились, получали новые роли, дружили семьями. И обе, в общем и целом, были благодарны друг другу.

7.

На ступеньках Гранд-Опера

ГАСТРОЛЕЙ в Париже ждали всем театром, готовились к ним. Безусловно, нервничали, кто поедет, кто нет, плели интриги, писали анонимки.

В Париж взяли и Ядвигу, и Ольгу. Это была необыкновенная удача!

Ядвига в Париже не была ни разу, Оля в Париж ездила на писательский конгресс с мужем. Роман Григория Иевлева о Наполеоне перевели на французский язык, и писателя пригласили в столицу, да вдобавок еще и с женой. Но город посмотреть почти не удалось. Все время в машине, из зала заседаний – на ужин, из ресторана – в гостиницу. А много ли увидишь из окна автомобиля? Хотя и тогда Ольга попала под очарование Парижа, и долго потом не спала ночами, все представляла себя гуляющей по французским улочкам и сидящей в парижском кафе. Аромат настоящего кофе, как говорили французы, «кофе-крем», и незабываемый вкус круассанов. Как же хотелось повторить это вновь.

Думала ли она, что будет здесь танцевать? Даже не мечтала. Про Большой – да, и грезила, и сны видела. Но Гранд-Опера?! Нет, Ольга была очень земным человеком. Телец по знаку зодиака, она никогда не брала на себя невыполнимых обязательств и не мечтала о несбыточном.

И вот они на сцене Гранд-Опера, и шумный успех, и на поклон выходили по десять раз, корзины цветов, несмолкающие овации!

Что за театр, музей, а не театр! Глупое сравнение Клода де Бюсси: «Гранд-Опера снаружи выглядит как вокзал, а внутри чувствуешь себя как в турецких банях». Подруги записывали крылатые изречения за французским экскурсоводом. Все нужно было запомнить, ничего нельзя упустить!

А эта чудовищная история про архитектора Гарнье, которого не пригласили на открытие театра. Про него просто забыли!

– У нас бы такого быть не могло!

– Понятное дело, загнивающий капитализм!

– Перестаньте, неудобно, мы же в гостях.

Советские артисты не переставали восхищаться и сравнивать. А не слишком ли вычурное здание, а не слишком ли много фигур, скульптурных групп, колонн?

– Вы заметили абсолютно верно, – пояснял экскурсовод. – Обвинения в эклектизме сыпались на Гарнье, спроектировавшего театр, со всех сторон. Даже Императрица Евгения спросила архитектора, в каком стиле он построил Оперу. Впрочем, Гарнье нашелся: «В стиле Наполеона III, мадам». Упоминание об императоре исключило дальнейшие дискуссии.

Особенно поражало, что театр принимал посетителей и днем. Зрители шли не только на спектакли, но и просто полюбоваться театром. Походить по залу, посмотреть на уникальный плафон, расписанный самим Марком Шагалом.

– Обратите внимание, сколько различных материалов использовано в отделке, – и дальше экскурсовод сыпал названиями, знакомыми и незнакомыми: – Мрамор персикового цвета со светло-розовыми пятнами, белый и бледно-зеленый, зеленый шведский мрамор с оттенками прозрачного нефрита и с темными серо-зелеными прожилками, красный крапчатый мрамор из Лангедока, красный порфир из Финляндии, синий мрамор с белыми прожилками из Динана...

Ольга и Ядвига смотрели на все это великолепии, и у обеих захватывало дух. И они здесь не просто на экскурсии, они здесь выступают!

Подруги упивались свалившейся на них удачей. Досконально все выспрашивали о театре, все было интересно, все важно. История? Да! Архитектура? Обязательно запомним! Как театр строился? И это запишем!

Репетировали до седьмого пота. А после спектаклей ехали на Монмартр и полночи гуляли по узким улочкам. Париж принадлежал им! Вот здесь пил вино Тулуз-Лотрек, а здесь прохаживались Модильяни, Пикассо, Сезанн и писал свои картины Ренуар.

Подруги были счастливы. Самый излюбленный способ прогулки был пеший. И деньги, конечно, экономили, но не в том дело. Только гуляя по Парижу пешком, можно ощутить дыхание здешней жизни, почувствовать настоящую Францию.

От Гранд-Опера, через бульвар Капуцинов, сворачивали на улицу Рояль. В старинную кондитерскую не заходили, но любовались через оконца на милых старушек, которые пили свой кофе, запивали его водой и откусывали неторопливо от маленьких разноцветных пирожных. И говорили, говорили. Что-то доказывали друг другу, спорили. О чем можно спорить в такой красоте? Что ж, у всех свои проблемы.

Мимо знаменитого ресторана «Максим» почти выбегали к площади Конкорд. И вот уже знаменитый сад Тюильри. И можно уже не торопиться, а неспешно пройти по широким дорожкам парка и даже посидеть у маленького озерца на удобных стульях. Справа остался музей Оранжерии (и туда ходим, как же без импрессионистов!). И держим курс на Лувр.

А там и до Сены рукой подать. И вот уже красавец Нотр-Дам де Пари, Собор Парижской Богоматери. Захватывало дух, перехватывало дыхание. И на фоне блестящего успеха русского балета впечатления были еще более возвышенными и красочными.

Конечно, бросалась в глаза огромная разница в жизненном уровне. И в деньгах подруги были ограничены. Ну что можно было купить на их жалкие несколько десятков франков? Но это не раздражало, об этом как-то не думалось. Ну не могли они просто посидеть в кафе и выпить чашечку кофе, – деньги нужно было экономить, не позволяли себе покупать французские духи. Плевать. Зато они могли заходить в парфюмерные магазины, и запахи обволакивали их, и приветливые продавщицы с французскими улыбками и неизменным «Бонжур, мадам» готовы были показать им весь магазин и дать понюхать любые духи! Нет, зависти не было. Была только благодарность, что они все-таки приехали, они здесь, в Париже, и это здорово. Все воспринималось как праздник, фейерверк, но на себя эта жизнь не примерялась. Зачем? У них есть своя жизнь, в Советском Союзе, и она самая лучшая. И негров у них не угнетают, и попрошайки на улицах не сидят. Вот как здесь, к примеру, на площади Конкорд.

8. Две Ядвиги

– МАДАМ Станюкевич, к вам дама.

Ядвига снимала с лица остатки грима после спектакля. Уборные были необыкновенно удобными и просторными. И об этом тоже небезызвестный Гарнье позаботился еще в прошлом веке. И вот поди ж ты, что хорошо сделано, то и сегодня переделывать не нужно! Большие окна, много света, хорошо подсвечены зеркала.

– Лелька, какая еще дама? Мы кого-нибудь ждем?

Подруги делили грим-уборную на двоих.

– Я не жду никого, а ты у нас всегда в приключениях.

Дверь открылась, и вошла весьма пожилая женщина. Аккуратно и дорого одетая, правда, во все темное, – это сразу бросилось в глаза.

– Ядвига Станюкевич – это вы?

Она обратилась правильно, хотя несколько раз перевела взгляд с Оли на Ядвигу.

– Да, я.

Ядвига вдруг страшно напряглась, побелела, Ольга никогда ее такой не видела.

– Позвольте, я сяду, знаете, в моем возрасте стоять уже тяжело, мерси, – это она уже обратилась к Оле, которая, вскочив, пододвинула женщине стул. Ядвига сидела не шелохнувшись. Дама присела, продолжая ровно держать спину. Оля про себя восхитилась ее осанкой. Было видно, что женщине сильно за семьдесят, но у нее была хорошо сохранившаяся стройная фигура. На лице ни грамма косметики, одета строго, соответственно возрасту, в ушах – тяжелые старинные серьги, повязан красивый шейный платок. По виду – чистая француженка, а говорит по-русски.

«Эмигрантка», – пришло в голову Оле.

– Извините за такое вторжение. Но если позволите, мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы не против? – дама вопросительно взглянула на Ядвигу. Не получив ответа, она продолжила: – Скажите, пожалуйста, как зовут вашу мать? – вновь обратилась она к Ядвиге. Ядвига не отвечала. – Ее ведь зовут Зоя? Почему вы молчите, вам неприятно, что я вас об этом спрашиваю?

Женщина вытащила красивый вышитый носовой платок из старинного ридикюля и, к удивлению подруг, шумно высморкавшись, промокнула глаза и продолжила:

– Меня тоже зовут Ядвига. Ядвига Перель, но это по мужу, а девичья моя фамилия Яновская.

Оля тихо охнула. Она хорошо знала, что Яновская – девичья фамилия мамы Ядвиги, Зои Борисовны. Случайно зашел об этом разговор, и Зоя Борисовна с сожалением рассказывала, как жаль было менять такую роскошную фамилию, да и на афишах бы она смотрелась значительно лучше. Но какая-то там давняя история не дала молодой Зое сохранить красивое имя. Пришлось взять фамилию мужа. Может, перед ними сейчас как раз и сидела та давняя история? Оля ничего не понимала, а Ядвига все так же сидела, вжав голову в плечи.

– Все это время я искала сестру, но это очень сложно сделать отсюда. – Женщина говорила по-русски хорошо, но уже с акцентом и с грассирующим французским «р». – Ваша мама поменяла фамилию. Но имя! Когда я увидела афишу, я поняла, что такое совпадение невозможно. Имя Ядвига пишется через «Е». От польского Гедевига. Меня записали неправильно, но Зое всегда это имя нравилось. Мы с сестрой друг друга обожали. Родители решились на Зоечку поздно, у нас разница десять лет, но это не мешало нам быть очень и очень близкими. Для меня Зоя была и сестрой, и дочкой, и куклой. А я для нее была скорее мамой, я знаю. Потому что у мамы времени на Зою вечно не хватало, а я с ней была постоянно. Столько восхищения в ней было. Зоя была готова часами сидеть у моих ног, когда я занималась вышиванием,

и просто смотреть на меня, иногда целуя мне руки. Меня никто не любил в этой жизни, как Зоя, даже мама. – Дама постоянно подносила платок к глазам. Было видно, что хотя слезы по этому поводу и были выплаканы давно, но все равно боль потери осталась с ней на всю жизнь.

– Мы уехали из России в семнадцатом году, мне было двадцать, и я уже к тому времени два года была замужем. Мужу нельзя было оставаться, он был офицером царской армии. Имел высокий чин, и было принято решение об эмиграции. Зое было десять. Ей не сказали, что я уезжаю навсегда. Мы не знали, как ей об этом сообщить. Просто не представляли, как отнесется к этому маленькая девочка, не хотели Зою травмировать. Родители обещали, что приедут вскоре. В стране творилось что-то невообразимое, терпеть это было невозможно. Если бы мы не эмигрировали, мужа расстреляли бы большевики. Я знаю, вам, скорее всего, сложно сейчас воспринимать все, что я говорю. Про большевиков, про наши трудности. Вы, наверное, видите во мне врага? – говоря это, дама теребила в дрожащих руках платок. Воспоминания нахлынули, и ей сложно было справиться с ними.

– Посмотрите на меня, ну какой я враг? И потом, прошло столько времени.

Подруги ни о чем таком и не думали. Просто все было, как обухом по голове. Во всяком случае, для Оли. Реакция Ядвиги все так же оставалась непонятной.

Дама продолжила:

– Нам было уехать легче. А у родителей был дом, Зоя, папа работал управляющим на заводе, он не мог вот так все бросить, и без того все начало разваливаться на глазах. А он посвятил работе большую часть жизни. Завод для него был третьим ребенком. Или даже, скорее, первым. Сначала я получала от мамы письма, а потом все, закрыли все каналы, и мы окончательно потеряли друг друга. Для меня это была катастрофа. Не могу сказать, что я не любила своего мужа. Просто тогда замуж выходили по-другому. Родители выбрали мне достойную партию, я выполнила их волю. Но по большому счету, муж был абсолютно чужой мне человек. Мое сердце осталось в моей семье, а здесь мне ко всему пришлось приспособливаться. К мужу, которого, как оказалось, я совсем не знала, к чужой стране. Все это время я не теряла надежды. Чего только не предпринимала, чтобы вас найти. Но сами знаете, железный занавес, все мои усилия были бесполезными. И вот – эта афиша. Я знаю, что не ошиблась. Ты ведь даже не на Зою похожа, на меня в молодости.

Наконец, Ядвига очнулась, она закрыла лицо руками и разрыдалась. Оля вдруг поняла, что подруга банально боится, и боится в том числе и ее, свою лучшую подругу. На дворе стоял 1974 год. И их перед поездкой всех собирали и предупреждали, и человек из КГБ, естественно, был с ними в поездке.

Оля подбежала к Ядвиге, обняла ее за вздрагивающие плечи.

– Ядька, ну ты что? Не сомневайся, глупая, все останется между нами. Что ты, меня не знаешь, что ли? Если это действительно твоя родственница, это, наверное, счастье. Или нет? Вы извините нас, – Оля обращалась уже к неожиданной посетительнице, – мы в немного другой стране живем, все непросто, нас, знаете, как перед этой поездкой муштровали: «Ходить только по двое, с иностранцами не разговаривать», – и так далее. Ядвига сейчас отойдет, шутка ли дело, такое услышать, может, она и представления о вас не имела. Я, например, в первый раз о сестре Зои Борисовны слышу, хотя и общаюсь с ней регулярно.

Ядвиге удалось взять себя в руки.

– Да, все так. Мою маму зовут Зоя, и она – ваша сестра. Я про эту историю узнала несколько лет назад, незадолго до ухода из жизни бабушки. Мама с бабушкой всю жизнь были так напуганы, что хотели все от меня скрыть навсегда. Надеялись, что без этих знаний жить мне будет проще. Все равно все раскрылось. – Ядвига задумалась. Немного помолчав, она продолжила: – Мама всегда очень любила вас, это правда, и меня назвала так в надежде, что по имени вы меня и найдете. Ну что хоть какая-то возможность останется. Только сейчас это все уже слишком поздно. Маме шестьдесят семь, сердце больное, она просто не выдержит такого изве-

ствия. Она вас всю жизнь ждала, понимаете, всю жизнь. Вы для нее каким-то эталоном были. С бабушкой очень вас вспоминать любили и мечтать, как ваша жизнь сложилась. В том, что живы, они не сомневались, а вот счастливы ли? Да нет, все сумбурно так. А если по порядку, – Оль, ты тоже сядь, слушай, – прости, я тебе никогда не рассказывала, мама запретила говорить об этом с кем бы то ни было, и Лева, естественно, тоже ни о чем не догадывается. Я всегда знала, что у мамы была сестра, старшая, и что она погибла. Что? Как? Мама не рассказывала, а я маленькая была, не очень и спрашивала. У мамы комод запирается, там документы хранятся, украшения. Ну, это громко сказано, все мамины украшения – это сережки с нефритами, по моему, серебряные, невидные такие.

– Это сережки нашей бабушки, я их помню, изумруды в платине, камни там еще очень редкие. Серьги старинные, ручная работа, – вставила Ядвига-старшая.

– Да нет, вы путаете, там камни для изумрудов большие очень, да и мутные.

– Да-да! Именно большие и мутноватые, это достаточно редкие изумруды. На одном изумруде еще скол небольшой был, бабушка все время расстраивалась по этому поводу и надевала их не очень часто.

– Верно, – Ядвига помедлила, – скол там действительно есть. Изумруды, говорите? Странно как... Нуда ладно, собственно, я не о том. Так вот, комод. Как-то я сидела рядом, еще маленькая была, мама разбирала документы в комод, и я увидела старую фотографию. Молодая девушка с веселым лицом и длинной косой. Такая задорная, с открытой улыбкой и россыпью конопушек. Вот тогда-то мама и рассказала про сестру и про то, что назвала меня в вашу, – Ядвига немного запнулась, – честь. Фотография эта так и хранилась в комод. Мне как-то в голову не приходило удивляться, почему все фотографии в семейном альбоме, а эта одна хранится отдельно, взаперти. Оль, налей воды, – попросила Ядвига-младшая. – Вам тоже? – обратилась она к госте.

– Нет-нет, не беспокойтесь.

– О том, что я знаю часть правды, мне рассказали не так давно. Может, и не узнала бы никогда, если бы не стала нечаянной свидетельницей разговора мамы и бабушки. Из него выходило, что никто, собственно, и не умирал, а просто уехал. Общим было неловко от того, что я этот разговор слышала. Пришлось мне все рассказать. В том числе, что и дом, в котором, мы сейчас живем, принадлежал нам весь, а не вот эти две комнаты в коммунальной квартире. Я была просто поражена. Но больше всего тем, насколько напуганы мама и бабушка. Они взяли с меня клятву, что я никому и никогда не расскажу об этом и сама думать не буду. Испуг передался мне, вот я и молчала. Действительно, мало ли что. Хотя, конечно, задумываться начала. И когда в подъезд входила, мысли меня одолевали, а почему, собственно? Вот почему мне сейчас нужно подниматься в маленькую мансарду под самой крышей, а не входить в богатую резную дверь, за которой жили Фельцманы? И жаль было, что тех времен я уже не застала.

Ядвига отпила воды. Рассказ давался ей с трудом. Она привыкла держать эти мысли в себе. Может, и вся ее ожесточенность объяснялась существованием вот этой тайны и вынужденным молчанием. Оля задумчиво смотрела на подругу. И может, даже сама Ядвига не отдавала себе в этом отчета. В том, почему и за что вылиwała столько желчи на окружающих. Оле стало страшно. Как же мы порой невнимательны к нашим близким. Почему никогда не задавала Ольга себе вопрос: «Все ли у подруги в порядке?» Почему никогда и ничего ее не потрясало? А Ядвига, значит, живет долгие годы с тяжестью на сердце, не имея возможности поделиться, рассказать.

Ядвига смотрела себе под ноги.

– Им обем стало легче, когда я все узнала. Бабушка и мама теперь не боялись вести со мной разговоры о прежней жизни, размышлять о судьбе старшей сестры и дочери. Только они думали, что вы в Вене. Письма же приходили оттуда, – она подняла глаза на Ядвигу-старшую.

– Да-да, это так, в Париж мы перебрались спустя несколько лет, – кивнула та.

– И всегда говорили, что я на вас необычайно похожа. Балетом, мол, занималась и Ядвига в детстве.

– Да. Все так, – Ядвига-старшая улыбнулась. – Конечно, на любительском уровне. Но на всех премьерах бываю обязательно, а уж если кто гастролирует, тем более.

– Ну, вот видите, судя по всему, вы моя тетка. Да, парижская тетка. И что мы теперь со всем этим будем делать?

– Деточка моя, – пожилая женщина подошла к Ядвиге и взяла ее за руки, – прежде всего, мы друг друга нашли. Я искала вас столько лет, и наконец такая встреча. Это чудо, это счастье. Мы не будем говорить на ходу. Когда вы уезжаете?

– Через три дня.

– Боже, как мало у нас времени, как бессердечно мало. Мы не будем терять ни минуты. Сейчас ты пойдешь к нам домой, и мы обо всем подробно поговорим. Ты мне расскажешь о Зое, мы закажем телефонный разговор с Москвой. Посмотришь, как мы живем. Ты даже не представляешь, какая это радость. Я ждала этого дня пятьдесят семь лет!

– Ну как же, мне, наверное, нельзя? Оль, что скажешь?

– Не знаю, – она в растерянности смотрела на двух женщин, которые смутно походили друг на друга. Тут они обе одновременно удивленно приподняли левую бровь и посмотрели на Ольгу с надеждой. Она должна была что-то придумать, чтобы Ядвига уехала в гости.

– Давайте сделаем так. Скажем Петру Ивановичу, что вы просто поклонница русского балета. И что мы идем пройтись. Я поеду в гостиницу, а ты, Ядь, приедешь завтра, на первую репетицию. Только не подведи. Встретимся у театра пораньше, зайдем вместе, никто ничего не заметит.

9.

Категория избранных

ОЛЯ не спала всю ночь, все прокручивала в голове эту сказочную историю. Ну надо же, наша Ядка оказалась дворянкой! А еще говорили о какой-то аристократической крови, врожденных манерах. Конопатая, рыжая девчонка, скорее, деревенский сорванец, и вот поди ж ты. А главное, что дальше? Как к этому отнесутся в театре? Сейчас, конечно, не прежние времена, но в разряд невыездных можно загнать запросто. Ну, карьера Ядвиги уже клонится к закату, это ясно. А Лева? Он младше на семь лет, и ему прочат как сценаристу блестящее будущее. Если сейчас откроется вот такая правда, все может рухнуть. Фильмы, снятые по его сценариям, лягут на полку, путь к известности будет закрыт. Ему просто запретят писать. Ну и что в таком случае ждет эту семью? Точно, ничего хорошего. И Гриша жену по головке не погладит, если она сейчас не вмешается. А Ольга видела, как загорелись глаза у подруги. Сначала, безусловно, Ядвига испугалась, это было заметно, потом – не могла поверить, а потом взгляд Ядвиги изменился. Что-то появилось в нем бунтарское. И это Олю очень испугало. И испугало больше всего то, что этот бунтарский дух присутствовал в Ядвиге всегда, только дремал. И вот сейчас он грозит не просто проснуться, а проявиться во всей красе! А у кого бы не загорелись глаза на ее месте? Ситуация понятная. Да нет, сейчас даже книгу на эту тему не напишешь, а уж если это все происходит в жизни...

Утром Оля долго прохаживалась вокруг театра взад и вперед – Ядвиги не было. «Боже, что делать, неужели не придет? – проносилось в голове. – Нет, не может быть. Придет, обязательно, не может она Ольгу так подвести». Просто Оля сама приехала слишком рано. Она пыталась как-то отвлечься, рассматривала здание театра. Но сегодня ее ничто не радовало, не вдохновляли ни многочисленные барочные фигуры, ни затейливая лепнина.

На лестнице перед театром уже толпился народ. Это было привычно. Излюбленное место для встреч парижан и гостей. Здесь не потеряешься. Хотя и встретиться среди этой толпы было непросто.

Популярная французская поговорка гласит, что тот, кто просидит больше, чем полчаса, в *Cafe de la Paix* на западной стороне площади Оперы, непременно увидит друга или знакомого – даже если он или она живет на другом конце света! Про эту поговорку им тоже рассказал французский экскурсовод, мешая русские и французские слова. «Да-да, непременно увидит, – как заклинание, повторяла про себя Ольга. – Ну давай же ты, наконец, полчаса для встречи уже прошли, возвращайся с другого конца света!»

Ядка прибежала в последний момент. Она была никакая. Говорить не могла, просто оглушенная. Подруги с трудом дождались конца репетиции, чтобы обсудить, что и как.

Понятное дело, испуг Ядвиги полностью прошел, и она начала примеривать на себя эту французскую жизнь. Причем даже уже просто на себя лично.

– Слушай, а может, просто остаться, и все, попросить политического убежища? – Ядвига не спрашивала, она просто вслух беседовала сама с собой. Ольга даже думать боялась о том, что там подруга увидела в гостях у новых родственников, и не расспрашивала. Она понимала: Ядвиге сейчас не нужно давать повод для того, чтобы лишний раз рассказать об этом. Что бы она ни увидела, это все равно будет на порядок выше того, в чем она живет всю жизнь. Уж в коммунальной квартире Перели не живут точно.

– То есть ты останешься здесь, а твои как же? А мама? А Лева?

– А я?! – Ядвига перешла на крик. – Мама, в конце концов, хоть десять лет дворянкой была! А я как родилась в этой коммуналке, так и помру в ней? Почему?! Или кто-то мне

этот дом вернет?! Раньше, когда не видела ничего этого, и ладно, а сейчас меня зло взяло, а почему, собственно?! Мама простит, она даже рада будет. Я же не где-то останусь, у Ядвиги. А муж? Муж – не родственник. Без него жила тридцать семь лет, смогу и дальше. Думаю, потеря невелика!

– Ядька, опомнись, это же предательство!

Ольга пыталась уговаривать, зывала к здравому смыслу. Все было тщетно. Такой подругу Ольга не видела никогда. Рот Ядвиги был перекошен, волосы растрепались, выбившись из аккуратного пучка. Ольга давно привыкла к ее резкости. Но сейчас в Ядвиге действительно говорили злость, ненависть. И еще беспомощность. Злилась она на себя. Было ясно: ничего уже не изменить. Она не способна на предательство. И от этого становилось еще больнее. Приоткрылась дверь в другой мир, в другую жизнь. Ядвига неожиданно попала в категорию избранных. Пожалуйста, распахни эту дверь и сделай первый шаг. А нельзя. Не позволяет совесть, останавливают привычка и страх перед неизвестностью.

Ольга попыталась сама встать на место подруги. И не смогла. И как же хорошо, что перед ней не стоит этого выбора. И Гриша ей самый настоящий родственник, даже ближе остальных. Она порой не понимала, кого любит больше: мужа или сына. Потому что детьми для нее были оба.

– Всех вас ненавижу! Отстань от меня, – Ядвига развернулась и ушла, оставив Ольгу с раскрытым на полуслове ртом.

Ольга поняла, что она больше ничего уже сделать не может. Ядвига сама сумеет справиться с этим настроением, она верила в подругу. Не сумеет она так с ними со всеми поступить.

Оля оказалась права. Ядвига не смогла. Париж больше не радовал, не захватывал. Была одна мысль: «Скорее домой», – чтобы таким образом окончательно справиться с этим наваждением.

Ядвига-старшая провожала их в аэропорту. В руках у нее был сверток.

– Это то, что мне удалось взять с собой, когда мы бежали из России, больше ничего нет. А эта скатерть еще нашей с Зоей бабушки, пусть она объединит наши два дома, московский и парижский. Я все понимаю, моя девочка, и знаю, как тебе нелегко. Но главное, что мы теперь вместе, пускай хотя бы и в душе. Ты не представляешь, как мне было тяжело, когда я не знала о вас вообще ничего. Я буду жить надеждой. Надеждой, что встречу с моей Зоей. И мы вместе вспомним, наконец, наше детство. Я вас буду очень ждать. В Москву не поеду, все это для меня будет слишком больно. Я жду вас здесь. И не забывай, лет мне уже очень немало.

Две Ядвиги стояли друг напротив друга. Две женщины, с разницей в сорок лет, одного роста, с одинаковыми прическами и одинаково высоко поднятыми подбородками. Они не плакали, в конце концов, неписанные законы их сословия обязывали стойко переносить житейские невзгоды. Они крепко обнялись, старшая перекрестила младшую на прощание, и Ядвига, не оборачиваясь, пошла на регистрацию рейса.

10.

15–30. Использовать свой шанс

НА УЛИЦЕ все еще было жарко, но на уютной веранде было комфортно. Дул легкий ветерок с Адриатики, принося облегчающую прохладу, уютно шелестела листьями пальма. Уникальное место – Хорватия. Климат, дарящий покой и умиротворение. В чем здесь дело? Вот почему в Черногории в воздухе до сих пор, спустя почти десятилетие, чувствуется война, а здесь – нет? Почему здесь хочется расслабиться, дышать полной грудью и думать только о хорошем? Загадка этой земли. Или влияет все-таки близость Ровеня – одновременно очень земного, рыбацкого, и в то же время совершенно сказочного городка?

Или достигает здешних мест обаяние расположенной неподалеку Пулы с ее римским Колизеем и концертами под открытым небом?

Михаил с Ольгой были в Пуле всего один раз, приехали специально на постановку в Колизее. В тот день давали «Кармен». К сожалению, не повезло, спектакль из-за дождя отменили. За полчаса до представления дождь благополучно закончился, но под предлогом «аппаратура сложная, расставить не успеем» спектакль не состоялся. Ольга не испытала разочарования. Она ходила по Колизею, забыв, что на дворе 2007 год. Вот за этой каменной стеной стояли гладиаторы, а напротив – рычали львы. Она представила это так явно, что даже стало страшно.

– Мам, ты что? О чем думаешь?

– Мишка, я потрясена, спасибо за то, что привез меня сюда. Колизей в Риме не произвел на меня такого впечатления. И потом, внутри-то там не пускают. Даже не то. Знаешь, еще немножко, и я бы почувствовала, что на меня бросается лев. Страшно стало! – Ольга поежилась.

– А я бы тебя защитил!

– Об этом я не подумала.

– Смотри у меня, ты все чаще стала напоминать отца. Как задумаешься, тебя из твоих мыслей не достать. Раньше папа этим у нас отличался, вместе его доставали, помнишь? То с поля битвы, то с бала.

– Да-да, то из девичьих покоев. – Ольга к недостаткам мужа относилась легко. Да и недостатками это и вовсе не считала. – Не волнуйся, сын, просто твоя мать не молодеет и есть над чем подумать, что вспомнить. Это нормально. Было бы странно, если бы я вообще ни о чем не задумывалась. Просто я все больше благодарна тебе за это место, за эти мои минуты счастья. Сколько осталось-то?

– Начинается! Пойдем на пирс, смотреть яхты.

С веранды Олиного дома яхты были не видны, для этого нужно было подняться на балкон второго этажа. Но все равно, и на веранде присутствие моря ощущалось каждой клеточкой.

– Хорошо тут у тебя. Ну, не московский участок, это ясно. Сколько у тебя там, кстати, гектаров? – Ядвига была верна себе.

– Какие гектары?! Что ты придумываешь, двенадцать соток; ну, здесь и вправду четыре всего. Ну и ладно. Куда нам столько? А так стол поставили, кресло. И потом, в Москве же у меня нет ни пальмы на участке, ни гортензии. И вместо винограда, заметила, что здесь вьется? – Ольга победно смотрела на подругу. – Эх ты, дворянка еще. Это же киви!

– Ну я же не африканская дворянка, слава богу.

Подруги расхохотались. Им было необыкновенно хорошо вместе. Ну над кем еще можно было бы вот так подтрунивать и не ждать обиды в ответ? Они даже скучали по этим взаимным словесным уколам. По старой памяти хотелось от кого-нибудь отбиваться, с кем-то поспорить. Нет, женская дружба все-таки существует!

– А я все-таки столько лет корила себя за ту парижскую историю, – Ольга глубоко затаилась. Курить она начала, уже выйдя на пенсию, а вот бросить теперь не могла, да и не хотела. – Зачем я тогда начала тебя отговаривать? Мое ли это было дело? Ведь жизнь у тебя могла бы сложиться совсем по-другому.

– Брось, Лелька. Ну, во-первых, у человека есть судьба, и от нее не уйдешь. Так что думаю, уехала бы я, не уехала, какая разница! Все равно бы вот так через тридцать лет с тобой кофе под этой пальмой пила. Так, видно, Богу было угодно. Да и потом, я и сама все понимала. Хотя, конечно, твой выпад меня тогда сильно отрезвил. Сначала разозлил, а потом отрезвил. Я ведь всегда на тебя похожей быть хотела. Ты и красивая была, и давалось тебе все легко. Я сколько потов в классах пролила, а у тебе это было природное. Чего уж там. Да кому рассказать – в тридцать пять лет в Большой театр на работу взяли!

Оле было приятно услышать такой комплимент от подруги. Хоть так. Сколько они уже вместе сегодня? Полдня, а Ядвига так ничего и не сказала по поводу Олиной внешности. Правда, Оля и сама тоже никаких комплиментов подруге не говорила. «Вот ведь две старые завистницы!» – хохотнула Оля про себя.

– Брось, Ядя, ты знаешь, когда я в Москву приехала, все было наоборот. Я за тобой тянулась, провинциальная была, дальше некуда. Тут уж ты была мне примером. Знаешь, я где-то читала, что женская дружба – это все-таки категория особая и больше всегда – соперничество. Одна всегда впереди, а другая за ней тянется. Плохо, когда одна всегда королева, а вторая – ее тень. Так можно и жизнь свою поломать. И зависть развивается, и злость. У нас, слава богу, было по-другому, мы все время менялись ролями, и это было правильно. И потом, между нами никогда не стоял мужчина. Наверное, это нашу дружбу и спасло.

– Лелька, а ты никогда не жалела, что у тебя тогда, в юности твоей, с Большим театром не сложилось? Тоже ведь жизнь по-другому пойти могла.

– Могла, не могла. Что теперь говорить. Все бы было по-другому. Все. А только правильно ты, наверное, говоришь. Судьба. И все равно, суждено было нам здесь сидеть и пить этот кофе. Нет, наверное, все было правильно.

* * *

Под окнами московской коммуналки весело махали лопатами рабочие. Несмотря на холодный мартовский ветерок, они поскидывали свои телогрейки в одну кучу и, оставшись в рубашках и солдатских галифе, рыли у дома огромную яму. Периодически, опершись на лопаты, они устраивали себе перекур и, затянувшись «Беломором», что-то обсуждали и громко смеялись. Весна чувствовалась везде: в воздухе, в улыбках людей.

Правда, не у всех настроение на тот момент было таким уж весенне-безоблачным. Совсем по-другому все выглядело в одной из комнат той самой коммуналки.

Галина Михайловна нервно ходила по комнате. Боже, зачем только она заварила эту кашу? И что ей не сиделось в Одессе. Славы всенародной захотелось. Для кого? Для себя или все-таки для дочери? О чем думала, когда везла сюда свою девочку?

Девочка в это время горько плакала на диване.

– Ольга, прими это как нашу с папой ошибку. Что-то мы, значит, не продумали, все себе по-другому представляли.

– Мама, ну почему?!

– Потому! К сожалению, это невозможно, мы уезжаем домой.

– Не поеду! Я хочу танцевать здесь. Мама, это шанс. Нет, скажи мне, пожалуйста, на кой черт мы тогда вообще сюда приехали?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.